

16.3.2000.

Юрский Сергей

310

Сергей Юрьевич Юрский не любит говорить о прошлом. Не любит истории из жизни и всяческих примечательных случаев, хотя жизнь его этими случаями, историями и незабываемыми встречами изобилует. И только одна из историй прошлого стала для него исключением. Об Игоре Вацетисе он всегда говорит с неподдельным чувством и трепетом. Гораздо охотнее, чем о себе самом.

Кто такой этот Игорь? Молодой российский журналист, загадочно пропавший в Югославии в 91-м году. Юрский утверждает, что на Западе он хорошо известен, в том числе и как писатель, здесь же о нем знают на удивление мало. Его считают погибшим.

Юрский одержим Вацетисом. Сейчас он ставит его пьесу "Провокация" в "Школе современной пьесы". "Мой Игорь", "Игореша", "я дружил с его отцом", "дядей Сережей он называл меня с детства", "я был тем человеком, которому Вацетис адресовал свою последнюю телеграмму" — почти родственные отношения сквозят в этих цитатах из Юрского.

Теперь выясняется, что исчезнувший Вацетис вновь обнаружился на жизненном пути Сергея Юрьевича. Пакет из Чехии с пьесой "моего Игорька", датированной 95-м годом. Конверт из Пензы, в котором несколько страничек, писанных от руки ЕГО почерком, — от 99-го года. Еще один пакет — международной почтой из Шотландии. "Он шутит со мной? Или кто-то ведет недостойную игру от имени покойного?" — недоумевает великий импровизатор. Самый-самый из всех импровизаторов — это бесспорно, при всей моей любви к Андрею Миронову.

Как Черный человек является Вацетис Сергею Юрскому. Для него он безусловно жив. Он есть. Он играет странную и пока непонятную партию.

— Как вы относитесь к тому, что написал о вас Виталий Вульф? Он отнес вас к звездам трудной судьбы в своей одноименной книжке. Там и Мадонна, и много других имен.

— А у Мадонны-то почему трудная судьба? Нет, у меня судьба легкая. У меня прямой путь в театр, и в общем прямой и радостный путь в театре. А что до непонимания, которое я испытываю — наверное, как и многие другие, — то думаю, что оно будет нарастать. И тому есть причины — люди оглохли. Искусство — это общение, соединение людей. А в оглохом мире искусству и тем, кто им занимается, становится все труднее. Нужно пробивать глухоту.

Сегодня Сергею Юрскому 65 лет исполняется. И интервью — вроде как к юбилею, праздничное. Мне хотелось ярких воспоминаний, событий жизни — словом, историй. Про "Золотого тельника", про "Место встречи...", про "Любовь и голуби". Мы встречались несколько раз. И каждый раз он обещал вспомнить, подумать. Начинать говорить и тут же сам себя обрывал: "Нет, скучно! Мне самому скучно. Зачем вам, Катя, все эти истории? Это не я, я другим живу. Я устал. И если я кому-то покажусь занудой — пускай. Оставьте меня таким. Знаете, когда в 89-м году после долгого перерыва я увиделся в Нью-Йорке с Иосифом Бродским, он встретил меня словами: "Только давай не будем другу другу ничего рассказывать. Так много лет прошло. Ты видел многое, я тоже видел многое. Оставим все свои истории себе. Не надо рассказывать, давай просто разговаривать".

— Товстоногов говорил: "Не спрашивайте меня о моих учениках, те, кто считает себя моими учениками, сами об этом скажут". Вы себя считаете его учеником?

— Абсолютно верным и последовательным учеником, хотя он никогда меня таковым не называл. Он называл меня своим актером, было время — называл своим любимым актером. Но никогда — учеником. Хотя в режиссуру толкнул меня он. Причем очень волево и требовательно. Я принес ему пьесу, чтобы ее сыграть, а он принял другое решение: "Играть не будете, а будете ставить". Я отнекивался, он настоял. А потом спектакль запретил. Потом другой разрешил, и так далее.

— Про ваши тяжелые времена в Ленинграде много написано. Про гонения обкома, про интерес КГБ, про перекрытый кислород на телевидении и вообще всюду. Но правда ли, что все эти трудности наложились еще и на ревность Товстоногова к вам как к режиссеру? Он ведь считал, что в одном театре двух театров быть не может.

— Он не просто так считал, он это заявлял всегда. Он не хотел ни наследников, ни преемников — он хотел работников. И хороших работников очень ценил. Я был одним из хороших работников. И поэтому был ведущим артистом театра 20 лет подряд, с первого дня прихода в этот театр, в который тоже взял меня Товстоногов. Но его чувство, что у нас несколько разные эстетические взгляды, — оно было. Но не от Товстоногова я уезжал, потому что я вообще не представлял себе жизни вне Большого драматического театра. Мы ведь жили в замкнутом пространстве, нам казалось, что весь мир вертится

вокруг нас, а мы — центр. Театр настолько любили, настолько ценили не только в Питере, но и в Москве, и в провинции, и в соседних странах — и это все от Товстоногова.

— Говорят, тогда для питерцев ваш отъезд казался настолько же нереальным, как если бы в Москву переехал Исаакиевский собор.

— Да, была такая шутка. Но это, разумеется, преувеличение. Хотя для меня самого все было примерно так. Сейчас в повести "Опасные связи" я по дням рассказываю, как все было, как сплелась та сеть, которая меня накрыла. Теперь, через много лет, я ищу виновника — кто украл у меня десять лет полноценной жизни. Все мои друзья создали свои театры, я не создал, я опоздал из-за того, что меня накрыли сеткой именно в те годы, когда я мог это сделать. Этот поиск виновного и есть суть повести.

Круг сужается, и тебе становится все страшнее, потому что ты уже

бы. Группу людей представили к званию, всем дали, мне отказали. И это звание я получил простейшим образом. Я просто потратил время и спросил — кто этим занимается. Мне назвали фамилию в ЦК, я позвонил и пришел к этому человеку. Он принял меня очень хорошо, сказал, что знал моего отца. Спросил, по какому поводу я пришел. Я ответил, что пришел по поводу того, что мне пора бы получить звание. Он говорит: "Какое вы хотите звание?" — "Народного артиста". Он удивился: "А вы разве не народный СССР? Да что вы говорите?! У меня было полное ощущение, что вы давно народный. Ну так давно пора! Конечно! О чем речь!" Через месяц мне дали звание.

— Я вычитала у вас фразу — "вот дом, где жил мой друг Олег Басилашвили и куда я однажды ранним утром пришел с чемоданчиком после краха семейной жизни". Вы могли бы добавить какие-то детали к этому утру? (Первая жена

шлой любитель ковырять язвы, и делает это очень болезненно и талантливо. Но я не впервой эту тему играл, та же тема в "Мольере", которого я ставил и играл с моей женой, с Теняковой. Это мольеровский комплекс, все то же самое.

— Психологические проблемы у вас не возникали? Все-таки дочь.

— Нет, именно потому, что это уже пройдено, не возникали. С другим возникали — это трудная пьеса, ее трудно играть. Но удовольствие притом большое. У Бергмана мера таланта позволяет зайти за черту приличий, привычного и даже шока.

— Зная греховность профессии, у вас не было желания остановить дочь и не пустить в эту профессию?

— У меня нет, у Наташи было. Но по другой причине. Была тревога, потому что сейчас в этой профессии очень трудно. Его помыкают, ее используют. Актеры были в униженном положении в середине XIX века. Потом постепенно они стали эмоциональной и интеллектуальной элитой, даже властителями дум. А сейчас актер опять унижен — во-первых, режиссером и его своеволием. Во-вторых, зависимостью от денег. Актерам платят либо очень много — безобразно, постыдно много и по всяким не очень хорошим случаям. Либо постыдно мало — в основном. Середины, нормы, простого прожиточного минимума в этой профессии нет.

— Что вы называете не очень хорошими случаями? Рекламу?

— Речь не о рекламе. Я знаю, что приглашения участвовать во всяких банкетах в честь какой-то фирмы или человека, в предвыборных кампаниях — эти предложения совершенно несопоставимы с оплатой собственно актерского труда! Продажа имени настолько дороже, чем продажа труда, что делает эту профессию униженной.

— Вы не хотите продавать свое имя — только как имя?

— Нет, совершенно сознательно не хочу.

— Есть версия, что Игорь Вацетис — это псевдоним Сергея Юрского.

— Это не псевдоним. Вот Юрский — это псевдоним. Только не мой, а моего отца. Отец одно время руководил цирком — здесь, рядом, на Цветном бульваре. Его настоящая фамилия Жихарев. Но я приготовился к вопросу о Вацетисе, потому что вы вчера были на репетиции и сталкиваетесь, по крайней мере, с чистым холстом. Мы ставим пьесу, которую никто никогда не ставил, и работаем с автором, которого никто никогда не видел.

— Вот это-то и странно. Я знаю, что вы несколько раз выдвигали пьесы Вацетиса на "Антибукер", но премии отдали другому автору.

— На "Антибукер" — один раз. Второй раз он получил приз Олега Табакова, который, правда, до сих пор так и не вручен. Но Олегу очень нравится эта пьеса.

— Почему этот человек вызывает у вас такой интерес?

— Потому что мне нравятся эти произведения. Иначе бы я их не ставил, никто ж не заставляет. Я сам издаю его вещи, скоро выйдет книга "Театр Игоря Вацетиса". Там есть и "Провокация", отрывок из которой вы видели вчера. Эффектная ли это пьеса? По-моему, да — но это на мой вкус.

— Но я вижу во всем этом интерес не только как к автору. Еще есть какое-то почти отцовское отношение.

— Мы с вами мало знакомы, я не знаю, насколько я могу вам доверяться. Это нестрашная тайна, но мне хотелось бы, чтобы она оставалась хотя бы на уровне загадки.

И Сергей Юрьевич вдруг рассказывает мне свою "нестрашную тайну". Тайну чувства, которое он испытывал и испытывает до сих пор. В этом чувстве — ключ его трепетного отношения к Игорю Вацетису. Но я не могу вам рассказать, я обещала. "Сегодня день открытий. Я вам открываюсь — не используйте это во зло, это будет мелко", — добавляет он и этой фразой отрезает мне все пути для отступления.

— Хочу ли я прославить Игоря? Очень хочу. Он человек другого поколения, младшего. Человек, который шутит для того, чтобы пробить глухоту. Это пародия на глухоту общества, в котором можно подменить любые слова, вместо "сладомист" вставить "гомосексуалист", и никто не заметит, если интонацию правильную выбрать. В прозе это довольно затрудненно, посмотрим, что будет на сцене.

— А вы не боитесь...
— Я боюсь? Мне нечего бояться.

Я открываю снова и снова короткое предисловие Юрского к роману Вацетиса "Обстоятельства образа действия". Неуловимо оно напоминает мне стиль любимых упреждений Борхеса — рецензий на ненаписанные книги несуществующих авторов. Это странно. Странно и то, что никогда и нигде не публиковал Сергей Юрьевич фотографий своего "протеза". Но более всего странно — почему Вацетис, очень любивший жанр интервью (так в предисловии написано), никогда не пытался взять интервью у одного из самых закрытых, непознанных и близких ему людей — у Сергея Юрьевича Юрского. Может, потому, что для этого ему пришлось бы пройти сквозь зеркало?

Катя ПРЯНИК.

НЕ СТРАШНАЯ ТАЙНА

ВЕЛИКОГО ИМПРОВИЗАТОРА

СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ:

"Талант позволяет зайти за черту приличий!"

Все семейство на репетиции. Артистка Даша Юрская унаследовала от папы не только профиль, но и призвание.

начинаешь оглядывать самых близких. Но нет ничего страшнее открытия совсем неожиданного: ты находишь причину всего этого дела — в зеркале. Виноват ты как часть общества, которое позволило тебе зависеть от КГБ, от партии, от кого бы то ни было.

— Если серьезно — когда вам долго не давали звания, вас это задевало?

— Товстоногов мне говорил: "У меня же рухнет вся конструкция! Не может же быть, чтобы все артисты вокруг росли, а тот, кто играет центральные роли, — нет". Ужасно! Для него это тоже было тяжело, мы были очень откровенны в этих вещах. Но ведь и в Москве все продолжалось. Когда я уже вырвался сюда, со званием народного артиста России произошло абсолютно то же самое, что и со званием заслуженного. В Театре Моссовета я отработал свои восемь лет, поставил несколько спектаклей, сыграл несколько ролей — все было довольно заметно. Пришла пора вро-

Сергея Юрского — актриса Зинаида Шарко. — Авт.)
— Было, да, было. Ну что? Печальное утро, тревожное.

— А чемоданчик тот сохранился?

— Нет, это не реликвия. На самом деле я совершенно не понимаю, как люди могут сами рассказывать в газете о своей личной, частной жизни. Допустим, журналист может что-то раскрыть, но чтобы сами! Этот душевный стриптиз мне кажется постыдным и бессмысленным. И некоторых своих коллег я абсолютно перестаю воспринимать после таких вот откровений.

— В спектакле "После репетиции" вместе с вами заняты ваша жена и дочь. Вы с дочерью играете что-то вроде любовной сцены. В этом вызов или в этом суть — греховность профессии?

— В этом греховность профессии, вы правильно формулируете. Тема эта и в пьесе присутствует. Бергман вообще боль-